

Н.Ф. Алефиренко

**КОГНИТИВНАЯ
СЕМИОЛОГИЯ:
истоки, становление
и перспективы
развития¹**

Поиск методологических основ изучения языка в рамках когнитивно-семиологической парадигмы на базе логических связей в рамках дискурса является темой данной статьи. Определяются цели и категории данного исследования.

Алефиренко

Николай Фёдорович — докт. филол. наук, Белгородский госуниверситет

© 2007 г. Н.Ф. Алефиренко

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта, предусмотренного Темпланом Минобразования и науки РФ (2007 г.).

Несмотря на интенсивное развитие когнитивной лингвистики, все еще преждевременно считать, что в науке о языке сформировано адекватное представление о функциональном соотношении когнитивных и вербальных структур, обеспечивающих речемыслительную деятельность человека. В определенной мере к лучшему ситуацию меняют когнитивно-семиологические исследования, пытающиеся показать формирование языкового знака в гармоничном взаимодействии *рациональных* и *чувственных* механизмов человеческого познания.

Истоки когнитивной семиологии. Предпосылки к возникновению когнитивно-семиологических идей, пожалуй, впервые, закладываются философами-сенсуалистами (лат. *sēnsus* — ‘чувство, ощущение’), прежде всего в трудах Э.Б. де Кондильяка, считавшего протометафору важнейшей составляющей языкового сознания человека [Кондильяк, 2006, с. 104]. Аффективность восприятия мира привела к активному использованию метафоры как связующего звена между обозначающим предметом и его чувственным образом. Взгляды Э.Б. де Кондильяка полностью разделяли Ж.-Ж. Руссо и его последователи. Однако непосредственные лингвистические основы когнитивной семиологии были заложены в XIX в. Х.К. Райзигом и Г. Паулем. К сожалению, с момента выхода в свет в 1839 г. книги Х.К. Райзига «*Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft*» семиология долгое время находилась на скрытой стадии своего развития. Обратившись к идее о чувственно-рассудочных приводах смысловой

динамики слова, Г. Пауль в известной книге «Принципы истории языка» (1880) путем разграничения узуального (внеконтекстного) и окказионального значения слова создает используемую и в наше время классификацию видов семантических изменений слова (сужение, расширение, перенос и смещение значения), различает его основное и второстепенное (производное) значение. Основное значение, по Г. Паулю, автоматически «всплывает в сознании» при внеконтекстном упоминании слова. Этот вид значения чаще всего становится объектом изучения и в наше время, хотя уже в 1900 г. такой подход был подвергнут критике в трудах В. Вундта. Критикуя Г. Пауля за недостаточное внимание к *причинам* и *видам* семантических изменений, ученый сосредоточился на психических стимулах таких изменений. Основным среди них он называет законы ассоциации: по подобию, по смежности и по несовместимости элементов (см.: [Левицкий, 2006, с. 11]).

Становление когнитивной семиологии. В XX в. импульсом к развитию семиологии стали исследования К.О. Эрдмана (1910) и Г. Шпербера (1923). К.О. Эрдман практически создал учение о структуре значения слова, выделив в нем понятие (*Begriff*), побочный смысл (*Nebensinn*) и чувственное значение (*Gefühlswert*). Слова *конь*, *лошадь* и *кляча* выражают одинаковое понятие, но имеют разные значения, поскольку значение включает еще побочный смысл и чувственное содержание. Побочный смысл, по К.О. Эрдману, включает все те сопровождающие представления, которые слово непроизвольно вызывает в нашем сознании. Так, слово *верблюд* в сознании обычно вызывает сопровождающее представление о пустыне. Развивая эти идеи, А. Зиберер в 1957 г. обращает внимание на связь эмоционального значения с звучанием слова. В 1976 г. А.А. Леонтьев обосновал единство чувственной, смысловой и эмоциональной окрашенности слова. А уже в наше время В.И. Шаховским разработана теория эмотивного значения слова, находящая развитие в когнитивно-семиологических исследованиях, исповедующих принцип единства рационального и эмоционального уже на первых этапах порождения речи (Л.А. Пиотровская и др.).

Однако вернемся к В. Вундту, который также не избежал критического анализа своих суждений. Полемизируя с В. Вундтом о глобальной значимости ассоциаций в семантических изменениях слова, Г. Шпербер, вслед за К.О. Эрдманом, акцентирует внимание на эмоциональном тоне (*Gefühlston*), служащем, по его мнению, основным источником энергии семантического преобразования содержания слова. Ученый исходит из того, что поскольку слово выступает не только средством понимания, но и средством выражения аффекта, наше языковое сознание постоянно находится в поиске средств, которые бы адекватно выполняли эти обе функции. Он приходит к мысли о том, что именно *аффект* служит основным источником семантических

изменений. Данное положение его теории, разумеется, не могло быть одобрено советской наукой, утверждавшей идею неразрывной связи языка и мышления. Методологические принципы отечественной науки о языке не позволяли признать эмоциональный фактор первоисточником семантических изменений слова. Сегодня с укреплением позиций психолингвистики, когнитивной лингвистики и прагмалингвистики следует более внимательно отнестись к семантическому закону, сформулированному Г. Шпербером: «Если в определенное время некоторый комплекс представлений оказывается настолько сильно эмоционально заряженным, что он вытесняет то или иное слово за пределы его первоначального значения, то можно с уверенностью ожидать, что тот же комплекс представлений побудит и другие относящиеся к нему языковые выражения изменить сферу своего употребления, а вместе с тем стимулирует и приобретение новых значений» [Sperber, 1923, с. 67]. Обратим внимание на то, что *эмоциональный* компонент здесь сопряжен с *рациональным* — комплексом представлений, первоначальными и новыми значениями. Такая синкретизация¹ в значении слова рационального и эмотивного положена в основу теории когнитивной семиологии.

Не следует забывать, что она закладывалась не столько в работах часто упоминаемых когнитивистами современных зарубежных ученых (А. Ченки, М. Бервиша, Ч. Филлмора, Ф. Катца, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера), сколько в трудах отечественных семасиологов XIX и XX вв. Первоосновой когнитивной семиологии являются труды А.А. Потебни, открывшего феномен внутренней формы слова как средства представления в сознании нашей собственной мысли. М.М. Покровский открыл еще один фактор изменения значения — семантическую сочетаемость. Благодаря Ю.С. Степанову и А.А. Уфимцевой семиология окончательно выделяется в отдельную отрасль науки о слове. Д.Н. Шмелев открыл третье измерение значения слова — эпидигматику, согласно которой степень парадигматической устойчивости слова обратно пропорциональна степени его синтагматической свободы. Основы современной когнитивной семиологии заложены в работах С.Д. Кацнельсона и Е.С. Кубряковой, анализирующих словесный знак в его отношении к *значению, смыслу и знанию*. В.А. Звегинцев показал необходимость рассматривать значение слова в триединстве *понятийной* отнесенности, *референции* и статуса слова *в системе* языка. В исследованиях А.В. Бондарко, Л.М. Васильева, В.В. Левицкого, З.Д. Поповой, М.В. Никитина развиваются идеи компонентной системности языковой семантики.

¹ «Под семантическим синкретизмом понимается объединение в одном значении нескольких, часто трудно совместимых, семантических компонентов» [Левицкий, 2006, с. 350].

Перспективы развития. В целом современная когнитивная семиология исходит из функционального соотношения четырех базовых категорий: мышления, сознания, значения и смысла. Признавая наличие разных типов мышления, в когнитивной семиологии внимание акцентируют главным образом на дискурсивном мышлении, если, разумеется, под дискурсом¹ понимать синергетическое по своей сути коммуникативно-когнитивное явление, ингредиентами которого, кроме текста, являются различные экстралингвистические контексты, конситуации, пресуппозиции и постсуппозиции (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации.

Дискурсивное мышление «неразрывно связано со знаниями, которые, будучи следствием мышления, являются вместе с тем и одним из его условий» [Кацнельсон, 2001, с. 488]. Дискурсивное мышление, следовательно, — это способ получения знаний, которые, в свою очередь, являются способом существования дискурсивного сознания, а специфической формой выражения знания выступают значение и смысл слова. Одним из первых понятие «дискурсивное мышление» использовал в своих работах А.Р. Лурия, однако определение «дискурсивное», использовал скорее как синоним «речевого».

Дискурсивное сознание оказывается в центре внимания когнитивной семиологии, потому что «позволяет проникнуть в глубь вещей, выйти за пределы непосредственного впечатления, организовать свое целенаправленное поведение, вскрыть сложные связи и отношения, недоступные непосредственному восприятию, передать информацию другому человеку» [Лурия, 1998, с. 323]. Иными словами, дискурсивное сознание позволяет человеку осуществлять так называемую *операцию вывода*, не опираясь на непосредственные впечатления и не ограничиваясь лишь теми средствами, которыми располагает язык [там же]. Термин *операция вывода* используется в работах А.Р. Лурия и С.Д. Кацнельсона в значении *постсуппозиции* — обоснованного предположения, которое можно сделать на основе соотнесения данного события с ожидаемыми его последствиями. Постсуппозиция формируется в процессе интерпретации смыслового содержания слова, поскольку «смысл, — писал С.Д. Кацнельсон, — непосредственно *не дан, он подлежит раскрытию*» [Кацнельсон, 2001, с. 627]. Поэтому интерпретация смыслового содержания слова и составляет основной предмет когнитивной семиологии.

Суть когнитивной семиологии заключается в том, что изначальным фоновым объектом ее изучения выступает бесконечный и нерасчле-

¹ Элементами дискурса служат излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т.е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.

ненный поток дискурсивного сознания и связанные с ним представления, воспоминания, переживания — важнейшие составляющие нашей дискурсивной деятельности. Это важно потому, что участники коммуникативного акта не могут произвольно выйти за рамки потока дискурсивного сознания — той среды, вне которой речемышление не может быть полноценным. Ведь для каждого человека «непрекращающаяся жизнь «с языком» и «в языке» является когнитивно-дискурсивным пространством его существования. В этом пространстве язык выступает одновременно и *как объект*, используемый коммуникантами в разных денотативно-прагматических ситуациях, и *как среда*, в которой речемыслительная деятельность совершается и которую знаковые продукты этой деятельности видоизменяют и обогащают. Не случайно Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как речь, погруженную в «жизнь». Следовательно, слово как основной языковой знак является и средством, и продуктом речевой деятельности, что выводит само понятие «речемыслительная деятельность» за рамки психолингвистики. Поскольку же основу речемыслительной деятельности составляют языковые знаки и закономерности репрезентации ими когнитивных структур, то методология их изучения нуждается в новых идеях, которые бы позволили преодолеть системно-структурный консерватизм, ориентирующий на изучение *статики* слова, и обращали исследовательский поиск на познание дискурсивно-смысловой *динамики* слова. Это необходимо потому, что, несмотря на регулярную востребованность, языковые знаки — не просто подручный материал, при помощи которого мы извлекаем из анналов долговременной языковой памяти слова, необходимые для вербализации данной денотативной ситуации. Они — средство *порождения* и *оформления* смыслового содержания, диктуемого конкретной коммуникативно-прагматической ситуацией, в которой слово становится каждый раз иным. Особенно остро это ощущают поэты:

*И сотни раз различные уста
Одно и то же произносят слово,
И на устах у каждого из ста
Оно значение изменяет снова,
Иначе пахнет и звучит не так...*

(Давид Кугультинов)

Примером тому могут служить слова, используемые в данном четверостишие: *сотни раз* (в значении ‘много’), *различные уста* (в значении ‘разные люди’) и др. Когнитивно-семиологический подход направлен именно на изучение таких дискурсивных метаморфоз этноязыкового сознания.

Поскольку язык — достояние всего этноязыкового сознания, при когнитивно-семиологическом исследовании слова следует учитывать уровень «погружения» данной языковой личности в концептосферу родного языка как «текущую, открытую и непрерывную» систему концептов и языковых единиц, их реализующих. Понятно, что при таком подходе методологически значимыми являются понятия «когниция» и «семиология». Если первое используется в его традиционном понимании (*когниция* — познание + знание), то второе требует особого разъяснения.

Обычно возникает вопрос о том, не тождественны ли понятия «семиология» и «семиотика»? Действительно, это близкие феномены, но далеко не тождественные. Главное их различие в том, что семиотика базируется на структуралистской методологии, а семиология призвана ее догмы преодолеть. К принципам семиологического исследования лексикона впервые обратился Ю.С. Степанов (1976). В их основе лежат два философских постулата. **Первый** гласит: *субъективная* диалектика познания отвечает *объективной* диалектике познаваемого предмета; **второй** исходит из примата отдельного слова по всему спектру его лексико-семантического варьирования.

В семиологическом аспекте словесный знак имеет специфическое трехэлементное строение. Напомню, по семиотическому «треугольнику Фреге» словесный знак истолковывается как некое универсальное явление, состоящее из 1) материального (?) носителя, знаконосителя (sign-vehicle), 2) обозначаемого мыслимого предмета, денотата (object, denotatum), и 3) понятия об этом предмете, сигнификата, концепта (significatum, concept). В таком триединстве традиционная семасиология видит сущность словесного знака. Однако не может не бросаться в глаза расхождение между принятым определением знака и классическим пониманием соотношения языка и речи. Если язык, в отличие от психофизической сущности речи, — явление *идеальное*, то ему явно противоречит понимание языкового знака как *материального* носителя информации. К тому же в современной лингвистике детально разработана только знаковая теория языка. Но почему-то в тени остается проблема речевой семиотики, без которой выстроить когнитивную семиологию невозможно. В связи с этим, кроме всего прочего, особую значимость в ее разработке приобретает прагматика с ее учением об интерпретанте знака. Поэтому определение знака, данное Ч. Моррисом, применимо не к *языковым*, а к *речевым* знакам. Выстраивать современную теорию языкового знака следует с учетом учения А.А. Потебни о взаимоотношении языка и мысли, в котором ученый акцентировал внимание на идеальной природе языкового знака, который, полагал А.А. Потебня, формируется через двойное отношение: (а) к предшествующей мысли, которая выступает его «смысловым знаком», или

внутренней формой, и (б) через отношение к способу ее именованию, выступающему в новом слове как «знак знака», или внешней формой. В соответствии с этим элементы языкового знака являются исключительно идеальными сущностями. Это (1) звуковой образ слова, (2) денотат — типовой и серийный образ именуемого предмета и (3) сигнификат — соответствующий *понятию* о предмете номинации.

При таком разграничении знаков языка и знаков речи становится понятным, почему слово в речемыслительной деятельности человека всегда выступает другим. *Во-первых*, на каждом новом витке познания меняется образ называемого предмета; *во-вторых*, переструктурируется десигнат, актуализируются или погашаются его отдельные денотативные и коннотативные признаки; *в-третьих*, перестраивается интерпретанта словесного знака, поскольку каждый последующий речемыслительный акт вызывает новую семиологическую реакцию говорящих.

Поэтому в когнитивной семиологии первоочередное значение приобретают даже не всегда четко осознаваемые интенции субъекта речи, взаимоотношения автора и адресатов — непосредственных и потенциальных, близких и отдаленных, известных и воображаемых. Ср. у А. Ахматовой:

<i>Хвалы эти мне не по чину,</i>	<i>Стихи эти были с подтекстом</i>
<i>И Сафо совсем ни при чем,</i>	<i>Таким, что как в бездну глядишь.</i>
<i>Я знаю другую причину,</i>	<i>А бездна та манит и тянет,</i>
<i>О ней мы с тобой не прочтем.</i>	<i>И ввек не доищешься дна,</i>
<i>Пусть кто-то спасается бегством,</i>	<i>И ввек говорить не устанет</i>
<i>Другие кивают из ниш,</i>	<i>Пустая ее тишина.</i>

Когнитивно-семиологическому осмыслению здесь подлежат и скрытые интенции автора, и адресат (*о ней мы с тобой не прочтем*), и взаимоотношения автора и адресата, другие составляющие денотативной ситуации (*Сафо, кто-то, другие*), подтексты, о которых упоминает поэт (они такие, что *как в бездну глядишь*, что *не доищешься дна*, они *бездны пустая тишина*).

Как видим, в поле зрения когнитивно-семиологического анализа слова оказываются любые событийные обстоятельства — крупные и мелкие, общезначимые и интимные, облигаторные и случайные, в том или ином виде отразившиеся в этих речевых построениях; жанровые черты и стилистический климат эпохи в целом. При таком подходе особую значимость приобретает импликационал слова, который ассоциативно связан с предыдущим опытом общающихся, так или иначе привлеченных в орбиту каждого речемыслительного акта.

Дискурсивное пространство, таким образом, постоянно видоизменяется, а каждый акт употребления слова *адресантом* осуществляется «в несколько изменившихся условиях». В процессе осмысления

слова *адресатом* дискурсивная среда меняется еще раз. Поэтому такой непростой оказывается для нас интерпретация фразы, изреченной А. Ахматовой в <Набросках к циклу «Музыка»>:

*Молитесь на ночь, чтобы вам
Вдруг не проснуться знаменитым.*

Все это служит неопровержимым доказательством того, что в процессе речемышления языковой знак ценен не столько кодифицированной семантикой, сколько совокупностью своих дискурсивных смыслов, теми *побочными смыслами и чувственным содержанием*, о которых писал К.О. Эрдман еще в 1910 г., смыслах, способных существенно влиять на его семантическую эволюцию. Слово, взятое вне событийного контекста, представляет собой некий законсервированный знак, поскольку его «отвлеченно-смысловая сторона, не соотношенная с безысходно-действительной единственностью» лишь «проективна», словно «черновик возможного свершения, документ без подписи, никого ни к чему не обязывающий...» [Бахтин, 1994, с. 43–44].

По этой причине когнитивная семиология пытается выйти за догматические рамки кодифицированного значения слова. Когнитивно-семиологический статус слова наиболее явно ощущают мастера художественного слова, поскольку, как утверждал Э.Б. де Кондильяк, поэзия также является свойством протоязыка, а чувственный образ — знаком поэтичности [Кондильяк, 2006, с. 117]. В понимании О. Мандельштама «любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» [Мандельштам, 1990, с. 223].

Приоритет событийного начала в смысловом содержании слова обусловлен интенциями языковой личности, ее причастностью к предмету речемышления. Причем характер интенциональности во многом определяется самой языковой личностью, поскольку она сама определяет свою точку нахождения как в структуре конкретного события-поступка, так и в структуре знаковой ситуации, от которой, собственно, и зависит и ракурс осмысления предмета речемышления, и смысл самого словесного знака. Прав был Давид Кугультинов, когда произнес:

*У каждого из слов душа своя,
На душу говорящего похожа.*

Слово, преисполненное дискурсивного смысла, весомее слова, кодированного словарем. Для О. Мандельштама «слова, как тяжелые гири верны», а в ощущениях Н. Заболоцкого «под поверхностью каждого слова шевелится бездонная мгла». Такой поверхностной скорлупой

оказывается звуковая оболочка слова, которая, фиксируясь языковым сознанием, «может, — в интерпретации Г.Г. Шпета, — до известной степени, как лава, затвердевать и сковывать собою смысл», который все же «под ее поверхностью клокочет и сохраняет свой пламень» [Шпет, 1989, с. 403]. Это происходит потому, что смыслы постоянно приводятся в движение взаимодействующими концептами, актуализирующими те или иные звенья концептосферы языка. За звуковыми образами слов бурлят в поисках архитектоники именно *смысловые* и *аффектные* элементы концептов.

*Вечерний звон у стен монастыря,
Как некий благовест самой природы...
И бледный лик в померкнувшие воды
Склоняет сизокрылая заря. (А. Ахматова).*

Понять переживания поэта можно, лишь установив смысловую связь между концептами духовной сферы («вечерний звон», «монастырь», «благовест») и концептами реального мира («природа», «заря», «вода»). Если в основе языкового значения лежит понятие или представление, то *когнитивным субстратом «живого» слова служит концепт*, лишенный понятийного, жестко структурированного содержания. Все это служит еще одним аргументом к необходимости разграничивать и на уровне лингвистической семантики две взаимосвязанные категории — «концепт» и «понятие». «Концепт» необходим когнитивной семиологии для того, чтобы загадочная метафора *человеческий фактор в языке* обрела, наконец, свой когнитивный смысл и нашла свое исследовательское воплощение. Не случайно возникновение теории «концепта» совпало с «постмодернистским» или «постструктуралистским» периодом науки. Постмодернистское разрушение философских основ структуральной лингвистики, поэтики и семиотики имеет самое непосредственное отношение к возникновению когнитивно-семиологической теории, поскольку оно выявило слабости и противоречия рационалистического подхода к языку в целом, и к семантике его номинативных единиц в частности.

Закключение. Отличительной чертой когнитивно-семиологического подхода к слову является отказ от принципа конструктивной целостности и упорядоченности как конечного идеального состояния языка. К таким структурам эвристическая мысль, разумеется, будет стремиться всегда, пытаясь логически упорядочить «хаос» эмпирического опыта. Однако «живое слово» во всем спектре его эмоционального тона (вспомним Г. Шпербера), нам дано только в дискурсивной деятельности, в движении, в процессе порождения самой мысли, в синергетике смыслообразования [Алефиренко, 2007, с. 96]. Именно такая алхимия

взаимного воздействия «живого слова» и «живого понятия», концепта лежит в основе когнитивно-семиологической (нелинейной) стратегии современного постижения смысловой полифонии не только семантики слова как знака языка, но и семантики слова как знака речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н.Ф.* Язык, познание и культура: Монография. Волгоград, 2006. 228 с.
2. *Бахтин М.М.* Работы 1920-х годов. Киев, 1994. 466 с.
3. *Гаспаров Б.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.
4. *Кондильяк Э.Б., де.* О методе и языке: Пер. с фр. / Общ. ред. В.М. Богуславского: 2-е изд. М., 2006.
5. *Левицкий В.В.* Семасиология. Винница, 2006.
6. *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
7. *Степанов Ю.С., Эдельман Д.И.* Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. М., 1976. С. 7–28.
8. *Шпет Г.Г.* Сочинения. М., 1989. 372 с.
9. *Sperber H.* Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn; Leipzig, 1923.